

НЕЗАДОЛГО до войны на экраны вышел кинофильм «Танкер Дербент». Снятый по мотивам талантливой повести Ю. Крымова, фильм полюбился зрителю, прежде всего, образом своего главного героя — механика Басова, коммуниста, человека горячей души, вдохновенного порыва, возглавившего коллектив в самую критическую минуту. Роль Басова играл артист А. Краснопольский.

И вот, через двадцать с лишним лет, на сцене Московского драматического театра имени Н. В. Гоголя, находящегося на гастролях в Свердловске, снова перед нами созданный Краснопольским образ коммуниста. Парторг большой сибирской стройки Большаков в героической комедии И. Куприянова «Сын века».

Многое отличает Большакова от Басова. Исцезли свойственные тому порывистость, ершистость, резкость характера. Доброта, мягкость, участие к делам и нуждам человеческим, жившие у Басова где-то в глубине души, у Большакова открыты каждому. И хотя артист — он поддерживает это сам в завязавшемся после спектакля разговоре — не имел в виду никаких аналогий и сравнений, нам кажется: это все тот же герой, только прошедший через войну, возмужавший, обернувшийся к нам новыми своими гранями.

Дело тут не во внешних ассоциациях, не в воспоминаниях, навевянных встречей со знакомым по кино артистом. От спектакля к спектаклю мы убеждаемся: то, что делает А. Краснопольский, отмечено поисками большой художественной правды: поэтому и судьба его героев воспринимается не разрозненными эпизодами, ограниченными временем сценического действия, а масштабно, как цельная человеческая биография.

Говоря о человеческой биографии, мы имеем, разумеется, в виду не «родословную» персонажа, не совокупность его анкетных данных, а то, каким стал он под влиянием определенных жизненных обстоятельств, какая за ним стоит жизнь. Большаков—Краснопольский прежде всего человек большой жизни, на собственном опыте убедившийся в непреложности истин, которые исповедует.

Первая встреча Большакова со строителями. Он направляется в одно из стройуправлений, но обстоятельства задерживают парторга по дороге. Рабочие, живущие в палатках, предлагают новому и неизвестному им пока человеку разделить с ними уху. Большаков остается. При этом Краснопольский едва заметным, словно бы нерешительным жестом подчеркивает: парторгу некогда, ему надо в управление, но слишком велик соблазн познакомиться с людьми, поговорить с ними.

Разговор со строителями Большаков—Краснопольский ведет очень просто, вроде бы даже буднично. Сидит, бьет комаров, слушает рассказ о трудностях, бедах строителей. Не соболезнует, не поддакивает. А заключает решительно:

— Терпеливые вы. На мой харак-

тер — я бы все руки в кровь, а своего добился.

Сказана эта фраза безо всякой нарочитости и вместе с тем очень весомо, наполненно. Верить: Большакову и впрямь приходилось бить руки в кровь — не за себя, за людей.

Для каждого, с кем сталкивается парторг, находит артист свою инто-

нацию, естественную, идущую от большого, глубокого, с годами пришедшего понимания людей.

Есть в спектакле сцена. Большаков вызывает к себе Настю Буланову. Настя связалась со скверной компанией, попала в заключение, а теперь бравирует своим «воспитанием», как бы обороняясь этой бравадой от людской молвы. Девушка и с парторгом говорит развязно, вызывающе, стараясь показать свою независимость. И Большаков — Краснопольский сразу попадает в тон Насте. Он словно бы передразнивает ее, так же как она произносит слова. И Буланова вдруг никнет, чувствуя, что ни претворяться, ни играть перед парторгом нельзя, что он ее понял.

А ведь легко, ох, как легко могла такая вот сцена превратиться в нечто дидактическое и холодное. Краснопольский счастливо избегает этого, играя в Большакове прежде всего человека. Человека мужественного, сильного, очень многое повидавшего.

Интересный образ создает артист в «Ночном госте» Леонарда Пека. Его герой — крупный врач—переживает большую внутреннюю трагедию. И снова в судьбе своего героя показывает А. Краснопольский «биографию» целого поколения «честных» немцев, порядочность которых, лишенная высокой гражданственности, уживалась с питлеровским режимом.

Он располагает к себе, этот доктор, сдержанный, неторопливый, с умным усталым взглядом. Усталым!.. Да, именно таким вот усталым, точным угасшим человеком, затянутым в одежды условностей, семейных традиций, рисует актер своего героя. И

это наиболее верный ключ к пониманию судьбы человека, который знал, видел, что старший сын его мерзавец, подлец, и ничего не сумел сделать даже для того, чтобы спасти от его гнетворного влияния младшего сына.

А вот персонаж, прямо противоположный основному, героическому амплу А. Краснопольского. В сатирической пьесе Д. Алё и Л. Ракова «...Опаснее врага» артист играет директора научно-исследовательского института кефира Допетровского. Чем-то дремучим, не тронутым временем веет от этакой вот «доисторической» фамилии. И это «что-то» — девственная глупость директора.

Допетровский — один из тех дураков, против которых направлено злое перо сатириков. Что же, порок такой, что не требует вроде бы в своем разоблачении особых тонкостей. И артист создает гротеск. Но гротеск не схематизированный, не упрощенный, а опять-таки основанный на точной человеческой биографии.

Где-то в конце пьесы, выброшенный временем за борт, Допетровский горестно рассуждает: «Эх, Тихон, Тихон, крестьянский сын...» Слова эти вдруг оборачиваются у Краснопольского вздохом живой человеческой души. И зритель невольно возвращается к тому, что показали ему театр и актер, ища ответ на вопрос: а что похоронило, собственно, в дремучей глупости душу Тихона Допетровского?

...Вогнутые во внутрь плечи, размеренная механическая походка — корпусом вперед, словно рубящие что-то движения рук. «Пока что мы этот вопрос обтешем». Рукой, как топором. Раз, два. Раз, два...

Вот только и научился Допетровский «тесать» вопросы. Думать он не научился и учиться не хотел. В этом его непоправимая беда, умно показанная артистом.

Ах, как хорошо произносит Краснопольский привычные, впитанные Допетровским в себя слова — «указания», «кампания», «перестраховка». Он воспринимает только внешний их смысл, стараясь точно уловить «обстановку». Вот, прослышав о том, что затевается якобы кампания против дураков и невежд, склоняется Допетровский над радиоприемником. А там, как назло, легкая передача об Иванушке-дурачке. Раз произнесли слово дурак — Допетровский настроился: может, случайно, а может, и в самом деле кампания. Но когда слово это повторяют несколько раз, сомнений не остается. Допетровский весь распрямляется, как пружина, он готов действовать, искать дураков.

Так вот и трактует артист «умственную неинтеллектуальность» своего героя, сложившуюся годами бездумной службы.

Актерские работы Краснопольского, которые мы увидели в Свердловске, лишний раз показывают: подлинный успех исполнителя не в эффективности внешних приемов, а в глубоком проникновении в образ, в партийном понимании судьбы героя.

Р. БУХАРЦЕВ.
На снимке: А. КРАСНОПОЛЬСКИЙ в роли отца. («Шедь-ный вечер» В. Блажека).